

Цзян Дун собрался с духом, чтобы возразить, но, взглянув на вход, его мать внезапно вздрогнула. В следующее мгновение её ухоженная рука вцепилась в его руку, а искусственные ногти впились в кожу. Голос матери стал тихим и дрожащим:

— ...Где твой отец? Цзян Цзяньго?! Куда он делся?! Я просила тебя привести его с собой!

— Цзян Цзяньго не пришёл, я не мог его привести, — медленно и чётко произнёс Цзян Дун, опасаясь, что она не поймёт.

Мать тут же отреагировала, её голос по-прежнему звучал резко:

— Тогда зачем ты пришёл?! Я не хочу тебя видеть!

Цзян Дун смотрел на неё, размышляя, не сведёт ли её с ума фраза о том, что это она сама заставила его прийти. Слова уже готовы были сорваться с его губ, но, подняв глаза и впервые с момента возвращения домой взглянув на мать, он увидел её искажённое от ярости лицо. Мать и младшая тётя были близнецами, но не похожими, хотя при внимательном рассмотрении можно было заметить общие черты в глазах и носу.

Сестры.

Вспомнив беззаботную улыбку тёти, Цзян Дун вдруг почувствовал, что всё это бессмысленно.

Совершенно бессмысленно.

— Я сейчас уйду, — сказал он.

Мать глубоко вдохнула:

— Убирайся! Проваливай! Лучше бы ты сгинул где-нибудь! Не пачкай мой дом!

— Хватит уже про смерть, — нахмурившись, Цзян Дун повернулся, чтобы уйти. — Если что-то случится, звони. Но повторяю ещё раз: во время учёбы я не смогу приехать. Это в последний раз.

Женщина за его спиной молчала, дрожа всем телом и сжимая кулаки.

Поворачиваясь, Цзян Дун случайно взглянул на журнальный столик, который раньше не заметил. На нём были расставлены аппетитные блюда. Его взгляд потемнел, но он тут же отвёл глаза и направился к выходу.

Неожиданно мать бросилась к нему, спотыкаясь и хватая его за рукав. Цзян Дун обернулся и увидел, как она, испуганно отдернув руку, осторожно схватила его за край одежды.

Она подняла лицо, уже залитое слезами, её юношески красивые черты искажали горе и боль:

— Сяо Дун, Сяо Дун, приведи ко мне отца, хорошо? Мама скучает по нему, приведи его ко мне! Или поговори с ним, пусть он придёт ко мне, хорошо? Мама умоляет тебя.

Глаза Цзян Дуна дрогнули, руки по бокам сжались в кулаки, всё его тело напряглось.

— Он не придёт к тебе, — спустя долгое время Цзян Дун скрипнул зубами. — Если бы он пришёл... ты бы смогла его содержать?

Сказав это, он словно набрался сил, криво улыбнулся и добавил:

— Или, может, ты сама к нему сходишь?

Женщина, залитая слезами, замерла.

Горе на её лице, словно маска, начало трескаться.

Цзян Дун усмехнулся и вышел за дверь.

Закрывая дверь, он достал ключ, немного подумал, но не стал запирать. Он точно знал, что даже если дверь останется открытой, мать не выйдет, не сделает ни шага за пределы дома.

Изнутри донёсся громкий звук, за которым последовал звон разбивающейся посуды. Через пару секунд раздался душераздирающий крик женщины.

Необъяснимо, но Цзян Дун, уже добравшийся до лифта, вернулся. Дверь, которую он не запер, легко открылась. Заглянув внутрь, он увидел, что гостиная была в полном беспорядке. Мать сидела на полу, обхватив голову руками, спиной к нему. Она перевернула журнальный столик, и всё вокруг — она сама, диван, телевизор — было залито соусами от еды. Толстое стекло столика треснуло посередине.

Цзян Дун бросился прочь, пока крики женщины продолжались.

Выйдя из дома матери, Цзян Дун не ожидал столкнуться с Чэн Ланом. Именно тогда он узнал, что этого человека на самом деле зовут не Чэн Да.

Лежа в таком положении, он почувствовал, что спина начинает болеть, и перевернулся на другой бок. Он был так устал, что даже не снял школьную форму, просто лёг в кровать. Вспомнив, что какое-то время сидел на полу, у него возникло желание немедленно выбросить постельное бельё. Но это желание длилось лишь мгновение, после чего он мысленно отправил его в мусорку.

Перед глазами вдруг возник образ Чэн Лана, когда тот говорил с ним. Он спросил, почему его зовут «Дун», и Цзян Дун не стал уклоняться от ответа, просто не хотел об этом говорить.

Но имя Чэн Лана его заинтересовало. Это было любопытство, рождённое из зависти.

Разве все родители так тщательно выбирают имена для своих детей? Какие у них значения? Есть ли интересные объяснения?

Цзян Дун думал, что, кроме его собственных родителей, все остальные, вероятно, похожи на его тётю и дядю — добрые, нежные и заботливые.

Другие семьи, должно быть, тоже счастливы.

Хотя Ван Пэн, Сюй Фэй и Чэнь Чжэньюй часто жаловались в общежитии на своих родителей, которые их доставали, контролировали и отключали интернет, Цзян Дун всегда слушал с интересом, ему хотелось узнать, как устроены чужие семьи.

Семья Сяо Маньтоу была особенно счастливой, и именно поэтому Цзян Дун не раз отказывался от приглашений тёти поужинать у них дома. Ему всегда казалось, что его присутствие будет неуместным, что он может помешать.

Он, такой... бесполезный и ни на что не годный человек, везде привлекает внимание, и лучше не создавать проблем для тёти.

Это была осторожная, настороженная мысль, которую он держал в себе, и никто не мог её заметить.

И ещё Чэн Лан.

Он производил впечатление спокойного и уверенного человека, его манера поведения была изысканной, как у аристократа. Цзян Дун не мог представить, в какой семье мог вырасти такой человек.

На его взгляд, этот человек был из высшего общества.

Они находились в разных мирах, и их пути никогда не пересекутся.

В просторном и тихом салоне Кайена Цзян Дун несколько раз украдкой посмотрел на Чэн Лана, сам не понимая, что именно он ищет. Все люди одинаковы — глаза, нос, рот, уши, подбородок, ничего особенного.

Но Цзян Дун то и дело оборачивался или переводил взгляд, и в конце концов его внимание снова возвращалось к Чэн Лану, вызывая любопытство.

У этого человека хорошее настроение.

Он выглядит надёжным.

Кажется, у него нет проблем, он всегда спокоен и уверен.

Он всегда такой?

Всегда... это нормально?

Лежать на боку тоже утомительно, Цзян Дун немного поворочался в кровати, пока снаружи не опустилась тьма. В общежитии по-прежнему никого не было, и он погрузился в сон.

Приближался Новый год, и каждый год в последний рабочий день компания Чэн Лана проводила ежегодный корпоратив, подводя итоги прошедшего года и намечая планы на будущее. Все собирались вместе, общались, ужинали, участвовали в розыгрышах и играх, а затем отправлялись домой праздновать. В этом году всё было так же: отдел планирования заранее сообщил о времени и программе мероприятия в общем чате компании. В этом году отпуск начался поздно, дел было много, и выходные отложили до двадцать пятого числа.

Когда год наконец подошёл к концу, ребята из отдела дизайна были в восторге, едва сдерживая радость, стараясь казаться серьёзными перед Чэн Ланом, как будто говоря: «Смотри, какой я спокойный, в то время как все остальные едва сидят на месте!»

Каждый раз, когда Чэн Лан заходил в отдел и видел, как ребята усердно работают, ему становилось смешно. Гейчик едва сдерживал улыбку, а после встречи с ним его лицо искажалось от напряжения. До отпуска оставалось чуть больше недели, и в отделе дизайна было относительно спокойно, основные проекты уже были завершены, и все занимались мелкими задачами. Поэтому Чэн Лан заказал столик в торговом центре неподалёку и заранее предупредил ребят, чтобы они не планировали ничего на обед, так как они все вместе пойдут поесть — это будет небольшая неофициальная встреча отдела.

Так происходило каждый год. Чэн Лан был самым старшим среди них, остальные шестеро были моложе его минимум на три года. В его глазах они всё ещё были детьми, молодыми людьми, которые рано покинули дом и усердно работали в отделе дизайна, теряя волосы от стресса. Это было непросто, поэтому Чэн Лан каждый год за свой счёт устраивал для них хороший обед — чтобы проявить заботу или сблизиться, в любом случае все были рады.